

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА Л. ПЕТРАЖИЦКОГО В СВЕТЕ КОММУНИКАТИВНОГО ПОДХОДА

А. В. ПОЛЯКОВ*

Поляков Андрей Васильевич,
доктор юридических
наук, профессор
Санкт-Петербургского
государственного университета

В статье рассматриваются достоинства и недостатки психологической теории права Льва Петражицкого. Ученый основал Петербургскую школу философии права, которая была представлена выдающимися учеными П. Сорокиным, Г. Гурвичем, Н. Тимашевым и др., развивавшими идеи психологической теории права в феноменолого-социологическом направлении. Петражицкому удалось выявить и обосновать необходимую связь между правом и человеческой личностью. Право в этом постклассическом ракурсе предстает не как внешняя человеку и не зависящая от него реальность, а как реальность «очеловеченная». Право создается (конструируется) и воспринимается человеком благодаря специфическим возможностям человеческого сознания.

Ученый был убежден в том, что праву соответствует только психическая реальность, понимаемая как реальность императивно-атрибутивных эмоций (переживаний). В статье аргументируется несостоятельность такого понимания. Вместе с тем идея Петражицкого об императивно-атрибутивной природе права непосредственно выводит на идею коммуникации как его (права) определяющего признака. Л. Петражицкий не только фактически признает возможность общего понимания, но и трактует поведение другого человека как текст, признавая, что этот текст обладает общим, т. е. «объективным» (фактически intersубъективным) смыслом. Но это возможно только в том случае, если субъективный смысловой контекст соответствует объективному смысловому контексту, иными словами, возникает *общий смысл* текста и вытекающего из него взаимодействия. Нормативность, таким образом, выступает коммуникативным условием существования права.

* Andrey V. Polyakov — doctor of legal sciences, professor of the St. Petersburg State University.

E-mail: polyakov2008@gmail.com

© Поляков А. В., 2016

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: психологическая теория права, коммуникативный подход, Петербургская школа философии права, императивно-атрибутивные эмоции, интерес-субъективность, общий смысл.

POLYAKOV A. V. PSYCHOLOGICAL THEORY OF LAW BY LEO PETRAŽYCKI IN THE LIGHT OF THE COMMUNICATIVE APPROACH

This article discusses the advantages and disadvantages of Leo Petrażycki's psychological theory of law. The scientist founded the Petersburg school of philosophy of law which was presented by such outstanding scientists as P. Sorokin, G. Gurvich, N. Timashev et al. They developed the ideas of the psychological theory of law in the phenomenological and sociological direction. Petrażycki managed to identify and justify the necessary connection between the law and a human personality. The law in such a post-classical perspective is presented not as a reality external to a person and independent on him, but rather as a "humanized" reality. The law is created (constructed) and perceived by a person because of the specific capabilities of the human mind. The scientist was convinced that only a psychic reality understood as a reality of imperative and attributive emotions (feelings) matches with the law. The paper argues the inadequacy of such understanding. At the same time, the idea of Petrażycki about the imperative and attributive nature of the law directly leads to the idea of communication as its (law) defining feature. L. Petrażycki not only actually recognizes the possibility of a common understanding, but also interprets the behavior of another person as a text admitting that the text has a general, that is "objective" (in fact, intersubjective) meaning. But this is only possible if the subjective semantic context corresponds to the objective semantic context, i.e. if there is a general meaning of the text and interaction resulting from it. Thus, normativity is a communicative condition for the existence of the law.

KEYWORDS: psychological theory of law, communicative approach, Petersburg school of the philosophy of law, imperative and attributive emotions, intersubjectivity, general meaning.

Более двадцати лет своей жизни Лев Петражицкий был связан с Санкт-Петербургским университетом. Именно в Санкт-Петербургском Императорском университете он создал свою научную школу и написал основные произведения по философии права на русском языке¹. Петражицкого вполне можно характеризовать как гениального ученого, совершившего если не революцию, то судьбоносный переворот в теоретическом правоведении. Неслучайно коммуникативный подход к праву, который я защищаю, отталкивается от идей Л. Петражицкого и стремится их развить в духе Петербургской школы философии права². Начало этому процессу было положено уже ближайшими учениками Л. Петражицкого: П. Михайловым, Г. Гинсом, М. Лазерсоном, затем П. Сорокиным, Н. Тимашевым, Г. Гурвичем, М. Рейснером, Е. Ланде, Г. Нанейшвили и др. Особый интерес

¹ См. об этом, напр.: *Мережко А.* Психологическая школа права Л. И. Петражицкого: истоки, содержание, влияние. Одесса, 2016; *Walicki A.* Legal Philosophies of Russian Liberalism. London, 1992; *Поляков А. В.* Петербургская школа философии права и задачи современного правоведения // Поляков А. В. Коммуникативное правопонимание: избр. труды. СПб., 2014. С. 222–233.

² См., напр.: *Поляков А. В.*: 1) *Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: учебник.* 2-е изд., испр. и доп. М., 2016; 2) *Коммуникативное правопонимание: избр. труды.* СПб., 2014.

представляют современные попытки интерпретации и переосмысления идей русско-польского ученого³.

Мне представляется, что Петражицкому удалось выявить и обосновать необходимую связь между правом и человеческой личностью, чего неоставало всем классическим правовым теориям. Право в этом ракурсе предстает не как внешняя человеку и не зависящая от него реальность, а как реальность «очеловеченная». Право создается (конструируется) и воспринимается человеком благодаря специфическим возможностям человеческого сознания, человеческой психики, человеческой ментальности. Государство, как и другие социальные институты, может посредничать в этом процессе, но оно не создает право своими волевыми актами.

Петражицкий с самых ранних своих теоретических работ стремился обосновать собственный, психологический, вариант «чистого учения о праве» и последовательно, как и Г. Кельзен, развивал свои идеи, не опасаясь идти по этому пути до конца⁴. Только этим можно объяснить тот радикализм некоторых его теоретических выводов, который шокировал современников, в частности, категорическое отнесение права, в рамках адекватной научной теории, исключительно к сфере индивидуальных императивно-атрибутивных эмоций. Ученый, конечно же, понимал, что помимо психических явлений (эмоциональных и рациональных) его концептуализация права неминуемо должна объяснять и отношение последних с явлениями социальными и знаково-символическими (нормативно-текстуальными). Но в силу своей изначальной установки на «психологизм» он не нашел прямого пути к удовлетворительному решению данной проблемы,

³ Укажу лишь на некоторые публикации, так или иначе связанные с моими научными исследованиями: *Тимошина Е. В.*: 1) Как возможна теория права? Эпистемологические основания теории права в интерпретации Л. И. Петражицкого. М., 2012; 2) Л. И. Петражицкий vs. Е. Эрлих: два проекта социологии права // Правоведение. 2013. № 5; *Коттеррелл Р.* Петражицкий и современные социально-правовые исследования // Там же; *Тревиньо А. Х.* Актуальность классиков для современной социологии права: американский контекст // Там же; *Ле Гофф Ж.* Гурвич и социальное право // Там же; *Мотыка К.* Leon Petrażycki: Challenge to Legal Orthodoxy. Lublin, 2007; *Фиттипальди Э.*: 1) Everyday Legal Ontology: A Psychological and Linguistic Investigation within the Framework of Leon Petrażycki's Theory of Law. Milan, 2012; 2) Наука на службе у принципа законности: критическая защита концепции юридической догматики Льва Петражицкого // Правоведение. 2013. № 5. С. 48–76; 3) Психосоциология прав человека: две петражицкианские перспективы // Там же. 2014. № 5. С. 8–30; 4) Противоречия как эмпирические несовместимости в психологии в этических эмоциях и в правовой (и не только) догматике: радикально-эмпирический подход // Там же. 2015. № 5. С. 24–39.

⁴ В связи с этим интересна связь обоих мыслителей с феноменологией Э. Гуссерля, который также стремился обосновать возможность «чистого» знания. В литературе еще при жизни Л. Петражицкого неоднократно указывалось на близость его учения к феноменологии. Одна из попыток интерпретировать психологическую теорию права с привлечением феноменологических идей принадлежит П. Е. Михайлову (см. об этом: *Тимошина Е. В.* Как возможна теория права?.. С. 257–258). Е. В. Тимошина также соглашается с Г. А. Нанейшвили в том, что если освободить теорию Л. И. Петражицкого от всего того, что несовместимо с основной мыслью этой теории, то «мы имели бы элегантную феноменологическую теорию права» (Там же. С. 258). О совпадении основополагающих идей чистого учения о праве Г. Кельзена и феноменологической социологии см.: *Шюц А.* Смысловое строение социального мира // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / пер. с нем. и англ. М., 2004. С. 1002–1004.

хотя и вынужден был его искать на протяжении всей своей научной жизни. Этой внутренней установкой, как представляется, можно объяснить то обстоятельство, что Петражицкий именовал свою теорию «психологической» теорией права, а не «социопсихологической»⁵. Ученый сознательно избегал возможного нежелательного (как ему казалось) смешения психологических и социологических элементов права.

Необходимо отметить, что Петражицкий был увлечен не только современной ему психологической наукой, но и эволюционной теорией Ч. Дарвина. Соответственно определив право как императивно-атрибутивные эмоции, возникающие в психике единичных субъектов и независимые в своем существовании друг от друга, их развитие и последующую трансформацию он связывал с правовой эволюцией общества. В ходе такого эволюционного развития происходит как бы «естественный отбор» правовых эмоций. При этом императивно-атрибутивные эмоции, их нормативные проекции и связанные с ними акционные представления, наиболее востребованные обществом, получают социальную поддержку, закрепляются не только на уровне интуитивного права, но и через соответствующие нормативные факты. Практика же разрешения конфликтующих императивно-атрибутивных представлений лишь способствует этому естественному процессу формирования единого и скоординированного правопорядка.

Самое поразительное в данной конструкции — идея о том, что право вовсе не обязано быть непротиворечивым (и «объективным»). Именно поэтому сам Л. Петражицкий не стал бы оспаривать утверждение о том, что императивно-атрибутивное переживание разбойника, полагающего, что он имеет право лишить жизни богатую старушку ради завладения ее имуществом, имеет такой же статус права, как и императивно-атрибутивное переживание старушки, убежденной в том, что ее жизнь бесценна и никто не имеет права на нее посягать. Конфликт между этими правовыми эмоциями, по мысли Петражицкого, был бы неразрешим, если бы к делу не подключались другие заинтересованные лица. А поскольку доминирующие в обществе императивно-атрибутивные эмоции, отраженные в позитивном праве, соответствуют эмоциям, переживаемым жертвой (старушкой), то и разрешение данного конфликта третьей стороной (например, судом) неминуемо оставит переживания разбойника без поддержки и укрепит у большинства членов общества релевантные императивно-атрибутивные переживания, связанные с необходимостью наказания преступника, в ка-

⁵ Интересно на этот счет мнение А. Валицкого: «Теория Петражицкого... фактически основывалась на социологических предпосылках и доказывала, что сущность индивидуальной души в основе своей социальна. Тем не менее, важно, что он сам назвал свою теорию «психологической», а не «социопсихологической», что, безусловно, было бы точнее» (Валицкий А. Философия права русского либерализма. М., 2012. С. 310). Между тем замысел Петражицкого, возможно, как раз и заключался в том, чтобы показать, что право в качестве специфического (сущностного) явления вполне укладывается в индивидуальный «психологизм», а все сопутствующие праву явления, включая его социальную ипостась и знаковые формы, являются лишь неизбежными следствиями права как психического явления. Тогда понятна и мысль Валицкого о том, что Петражицкий сознательно противопоставлял свой «психологизм» «социологизму» Дюркгейма (Там же).

честве права позитивного и «высшего сорта». Проблемные выводы, которые следуют из такого правопонимания⁶, я и попытаюсь сформулировать и предложу иной вариант развития заложенных в психологической теории права правильных предпосылок.

Л. Петражицкий опирался на своеобразную правовую эпистемологию. Признавая только два вида реальности — реальность физического мира и реальность мира психического, ученый был убежден в том, что праву соответствует только психическая реальность, понимаемая как реальность императивно-атрибутивных эмоций (переживаний). Исключив из реальности идеи, культуру, социальное как таковое, он породил оживленную дискуссию по этому поводу в российской юридической литературе начала XX в.⁷

Петражицкий пытался своей психологической теорией разрушить обывательские представления о праве как о некоей силе, существующей где-то над человеком и управляющей его поведением. Между тем все научные аргументы о том, что права как «объективного» и «внешнего» человеку явления не существует, что такие представления есть иллюзия сознания и воображения, что помимо индивидуально-психических императивно-атрибутивных переживаний нельзя говорить о реальности субъективных прав и обязанностей, о реальности норм права и т. д., входили и входят в противоречие с опытом человеческого взаимодействия.

Так, не существование права где-либо помимо индивидуальной психики опровергается теми эмпирическими фактами, которые ежедневно демонстрируют нам его, права, «самостоятельное» и «объективное» существование. Мировые суды разрешают гражданские споры, уголовные суды определяют меры уголовной ответственности, граждане вступают между собой в правовые отношения, приобретают собственность, воспитывают детей, исполняют трудовые обязанности, уплачивают налоги и реализуют свои права. Как и любое явление человеческой культуры, как любое социальное явление, право существует (являет себя), несмотря на то что в эмпирической действительности отсутствуют его материальные (объективные) референты, к которым право может быть в бесспорном порядке редуцировано.

⁶ К проблемным местам петражицианства можно отнести и вытекающий из сказанного выше вывод о том, что если какая-либо из сторон судебного спора способна под влиянием новых нормативных фактов менять свои первоначальные интуитивные убеждения, то это означает, что она признает свои прежние императивно-атрибутивные переживания (вслед за другими сторонами судебного или третейского разбирательства) неправовыми. Но это в свою очередь означает, что критерий для отнесения императивно-атрибутивного переживания к праву находится не в психологическом критерии субъективной убежденности, как полагал Л. Петражицкий, а в общем для всех смысле. На это, по сути, указывает и К. Мотыка, когда пишет о том, что различие официального и неофициального права у Петражицкого предполагает «экстрапсихологические критерии», которые противоречат основным положениям его теории права (*Motyka K. Leon Petrażycki Challenge to Legal Orthodoxy. Lublin, 2007. P. 37*).

⁷ Часть этой масштабной дискуссии нашла отражение в дореволюционном российском журнале «Юридический вестник» (см.: *Кистяковский Б. А. Реальность объективного права // Правоведение. 1996. № 4; Михайлов П. Е. О реальности права // Юридический вестник. Кн. V (I). М., 1914; Спекторский Е. В. К спору о реальности права // Там же; Кистяковский Б. А. Кризис юриспруденции и дилетантизм в философии // Там же.*

Убедить людей, ежедневно пользующихся тем, что они называют правом, и достигающих с его помощью своих целей (в том числе через слаженное и осмысленное взаимодействие), в том, что право как объективная (т. е. не зависящая от их индивидуального сознания) реальность не существует, также трудно, как убедить пассажиров самолета, который доставил их в нужное место, в том, что самолета не существует, поскольку никто из пассажиров не может объяснить, какие именно силы поднимают его в воздух. Петражицкий, конечно, прав в том, что наивное сознание зачастую принимает за реальность то, что не имеет к реальности отношение. Так, в стакане с водой чайная ложка под определенным углом зрения кажется переломленной пополам, хотя такое наивное представление может быть легко разрушено эмпирической проверкой. Ситуация с объективностью права принципиально иная, и как раз ежедневный опыт и человеческая практика указывают на существование «общего мира», делающего возможным и существование мира индивидуального.

Есть основания полагать, что мир повседневной жизни (жизненный мир человека, как и мир социальный) представляет собой реальность не менее «реальную», чем реальность физическая или психическая. И эта реальность является ключом к пониманию права и как явления индивидуальной психики, и как явления социального, и как явления нормативного, текстуального, институционального.

Объяснение феномену реальности мира повседневной жизни можно найти в понимающей социологии М. Вебера и феноменологической социологии (например, у А. Шюца, П. Лукмана и Т. Бергера и др.)⁸. Как раз мир повседневной жизни переживается в естественной установке как реальность. По А. Шюцу, мир повседневной жизни — это интерсубъективный мир, который существовал задолго до нашего рождения и переживался, интерпретировался нашими предшественниками как мир организованный (институциональный). Его особенностью является то, что он доступен нам не только как переживание, но и как *интерпретация*. «Любая интерпретация этого мира, — подчеркивает А. Шюц, — базируется на запасе прежних его переживаний — как наших собственных, так и переданных нам нашими родителями и учителями, — и этот запас в форме “наличного знания” функционирует в качестве схемы соотнесения»⁹.

В наличный запас переживаний входит, по мысли А. Шюца, и наше знание того, что мир, в котором мы живем, есть мир «хорошо очерченных объектов». Они обладают определенными качествами, которые оказывают нам сопротивление, но мы можем на них воздействовать. Лишь философский, а в еще большей степени психологический анализ наших переживаний может ретроспективно описывать, каким образом элементы внешнего мира оказывают воздействие на наши чувства, как мы неточно

⁸ Представляется, что и некоторые идеи Дж. Серля (об институциональных фактах и др.) также релевантны предлагаемому выводу (см., напр.: *Searle J. The Construction of Social Reality. New York, 1995*).

⁹ *Шюц А. О множественных реальностях // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / пер. с нем. и англ. М., 2004. С. 402.*

их воспринимаем, как благодаря «активной апперцепции» наш разум вычленяет из поля восприятия те или иные черты, схватывая их как отграниченные вещи. Естественной установке, подчеркивает А. Шюц, неведомы такие проблемы. Для нее этот мир с самого начала — не частный мир единичного индивида, а *интерсубъективный мир*, общий для всех нас мир, к которому мы испытываем теоретический, а в высшей степени практический интерес¹⁰. Не является исключением и право.

К тому, что фигурирует в повседневной жизни людей под этим именем, можно относиться по-разному: можно это право признавать и превозносить, можно его критиковать и именовать неполноценным правом, несправедливым правом, псевдоправом и т. д. Но несмотря на отдельные теоретические разногласия и разночтения, все право, действующее в реальной социальной жизни в соответствии со своей «природой», характеризуется единообразием его понимания (что указывает на его действительность) и признанием со стороны взаимодействующих лиц (что определяет понятие действенности, эффективности). Таким образом, *действительность* и *действенность* права относятся к его необходимым, но не единственным признакам.

Между тем Петражицкий, как уже было отмечено, связывал научное понятие права исключительно с индивидуальными императивно-атрибутивными эмоциями. Ученый, например, писал следующее: «Все правовые явления... представляют, с нашей точки зрения, чисто и исключительно индивидуальные явления... Всякое психическое явление происходит в психике одного индивида и только там, и его природа не изменяется от того, происходит ли что-либо иное где-либо, между индивидами, над ними, в психике других индивидов, или нет, существуют ли другие индивиды или нет...»¹¹. Ученый в данном рассуждении строго следовал собственным эпистемологическим посылкам. Петражицкий был убежден в том, что из-за отсутствия у людей способности наблюдать то, что происходит в чужой душе (в сознании других), «для нашего наблюдения абсолютно недоступны, совсем закрыты все сферы бытия правовых феноменов (как и всех психических феноменов), кроме одной, кроме нашей же собственной психики, кроме сознания нашего «я»»¹².

Учитывая достижения современной науки, сегодня с таким выводом согласиться нельзя. Утверждение абсолютной недоступности для нашего наблюдения «всей сферы бытия правовых феноменов» некорректно. Отметим, что ученый признает существование самой «сферы бытия правовых феноменов» вне сознания отдельного человека, но говорит лишь о невозможности ее непосредственного наблюдения. Дело, однако, в том, что онтология права не может быть связана исключительно с возможностью непосредственного наблюдения собственных психических пережива-

¹⁰ Там же. С. 402–403.

¹¹ *Петражицкий Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 1. СПб., 1909. С. 104–105.

¹² *Петражицкий Л. И.* Введение в изучение права и нравственности // *Петражицкий Л. И.* Теория и политика права: избр. труды / науч. ред. Е. В. Тимошина. СПб., 2010. С. 403.

ний¹³. Императивно-атрибутивные эмоции, о которых пишет Л. Петражицкий, не могут иметь правового смысла исключительно как акты переживания. Давно уже замечено, что смысл не есть качество, внутренне присущее переживаниям, возникающим в нашем потоке сознания. Сознание всегда интенционально. Поэтому, как полагают феноменологи, смысл всегда представляет собой результат интерпретации прошлого опыта, «видимого из нынешнего Сейчас» в рефлексивной установке. Развивая эту мысль, А. Шюц пишет: «...до тех пор, пока я живу в своих актах, направленных на соответствующие объекты», эти акты лишены какого бы то ни было значения. Они становятся значимыми, когда «схватываются» как переживания прошлого, т. е. в ретроспекции. Следовательно, «субъективно значимы только те переживания, которые могут быть вспомнены за пределами их актуальности и о конституировании которых может быть поставлен вопрос»¹⁴.

Таким образом, любой смысл, который мы связываем с понятием права, предполагает также и *осмысленность императивно-атрибутивных переживаний*. Если о самих переживаниях нельзя ничего сказать, если нельзя определить (мысленно представить), к чему обязывается один субъект и на что имеет право другой, то никакое взаимодействие между субъектами в принципе становится невозможным. Невозможной будет и сама императивно-атрибутивная эмоция, так как она предполагает различение императивного (обязывающего) и атрибутивного (притязающего) содержания.

Такой вывод косвенно подтверждает и сам Петражицкий. В одной из своих работ он, например, писал следующее: «Кто не был бы знаком по собственной психической жизни с голодом, жаждою, гневом, радостью и т. п., тот вообще был бы лишен всякой возможности *познать эти психические явления*, хотя другие их знают и переживают, поэтому он, между прочим, и не мог бы *понимать* соответственных поступков, телодвижений, речей других и т. д. Если бы кто стал перед таким субъектом прыгать от радости или бросаться на другого с кулаками от гнева, то эти движения, раз он сам никогда не переживал радости или гнева, представляли бы для него непостижимую загадку, он, может быть, предположил бы наличие особой болезни, вызывающей такие своеобразные судорожные движения, или, может быть, стал бы делать разные *догадки* относительно психических факторов, известных ему по *собственному внутреннему опыту*, но все это было бы лишь *неизбежно неудачным гаданием* (курсив мой. — А. П.)»¹⁵.

Ученый в данном отрывке совершенно недвусмысленно говорит о возможном тождестве в переживании и познании психических явлений

¹³ Этому ключевому положению эпистемологии Петражицкого противоречит и то, что ученый признавал возможность приписывания прав и обязанностей другим субъектам. Переживать, по Петражицкому, можно только собственные императивно-атрибутивные эмоции, но не приписываемые другим. Исходя из этого, приписываемые эмоции представляют собой рациональное суждение, а не императивно-атрибутивное переживание. Но тогда они и не являются правом с точки зрения самой психологической теории.

¹⁴ Шюц А. О множественных реальностях // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 2004. С. 404.

¹⁵ Там же. С. 404.

разными людьми. Конечно, такое тождество носит относительный характер, ибо полное тождество, по-видимому, невозможно. Но феномен коммуникации как раз и заключается в том, что она не требует и не ведет к полному взаимопереживанию, но предполагает взаимопонимание, поскольку люди способны понимать друг друга и без гарантии тождественности их переживаний. Более того, для права такая тождественность и не нужна. Праву нужно основание для взаимодействия, и такое основание представлено способностью человека выражать свои намерения в знаковой форме, т. е. делать их доступными для других. Это становится возможным потому, что человек в своих взаимоотношениях с другими может оперировать не только эмоциями/переживаниями, но и *смыслами*. Это как раз тот момент, который, по сути, оставался в тени у Л. Петражицкого¹⁶.

Изначально каждый человек имеет только собственные переживания. Однако благодаря событиям во внешнем мире и особенно благодаря языку мы можем понимать других через аппрезентацию. Благодаря взаимному пониманию и согласию «*устанавливается коммуникативная общая среда*, в пределах которой субъекты взаимно мотивируют друг друга в их ментальных активностях»¹⁷. Более того, предполагается, что «взаимное аппрезентативное схватывание ими событий, происходящих в разуме другого, непосредственно ведет к коммуникации»¹⁸. Как отмечает А. Шюц, «*коммуникация может происходить только в реальности внешнего мира*, и это одна из главных причин того, почему этот мир... имеет характер *верховой реальности*. Даже голоса, которые будто бы слышит шизофреник, галлюцинируются им как *голоса* и, следовательно, соотносятся с событиями во внешнем мире»¹⁹.

Все разнородные переживания, отмечают феноменологи, протекают во внутреннем времени субъекта и принадлежат его потоку сознания. Но они могут быть вспомнены и воспроизведены. И именно поэтому они могут быть переданы в процессе работы другому человеку с помощью обыденного языка. Переживания, берущие начало в фантазиях или научном теоретизировании, становятся содержаниями коммуникативных действий. В этих случаях партнеры вместе «совершают скачок» из конечной области значения, называемой «миром повседневной жизни», в область игры, искусства, религиозных символов, теории права и т. д. То, что прежде казалось реальностью, когда на него было направлено внимание, оказывается нереальным или квазиреальным, однако в специфической форме текущей нереальности, чья реальность может быть восстановлена. Таким образом, парадокс коммуникации, по Шюцу, возникает лишь в том случае, если мы полагаем, что «социальность и коммуникацию можно осуществить в какой-либо иной

¹⁶ Мне представляется, что и тезис Э. Паттаро о возможности существования нормы в сознании одного субъекта не достигает цели применительно к норме права (см.: *Pattaro E. The Law and the Right. A Reappraisal of the Reality That Ought to Be. Springer, 2007. P. 98–100*).

¹⁷ Шюц А. Символ, реальность и общество // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. С. 484.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 491.

конечной области значения, нежели мир повседневной жизни, являющийся верховной реальностью. Но если не делать такого ничем не подкрепленного допущения, наука вновь окажется включена в жизненный мир»²⁰.

Как уже было отмечено, Л. Петражицкий не только фактически признает возможность общего понимания, но и трактует поведение другого человека как текст, который нуждается в прочтении для его понимания, признавая тем самым, что этот текст обладает общим, т. е. «объективным» (фактически intersубъективным), смыслом. Но это возможно только в том случае, если субъективный смысловой контекст соответствует объективному смысловому контексту, т. е. возникает *общий смысл* текста и вытекающего из него взаимодействия.

Вышеизложенное имеет непосредственное отношение и к праву. Без объективного (общего) смысла не может быть ни права, ни правовой науки. Как поясняет А. Шюц, субъективный смысловой контекст, которым отдельное правовое положение надделено для его создателя, помещается интерпретирующей правовой наукой в некоторый объективный смысловой контекст с помощью идеально-типических конструкций. В этом установлении инвариантов, осуществляемом в актах формализации и обобщения, «порожденное в субъективных смысловых контекстах проявляется как объективный смысловой контекст интерпретирующих актов правоведения»²¹. В связи с этим А. Шюц обращает внимание на высказывание Г. Кельзена о том, что «принимать без оговорок правовой смысл, на который субъективно претендуют некоторые человеческие акты, как смысл объективный — *petition principii*. Ведь являются ли они вообще правовыми актами, каково их место в системе права, каково их значение для других правовых актов — все это зависит от *основной гипотезы*, с помощью которой порождается интерпретирующая их схема»²².

Итак, право невозможно рассматривать вне коммуникативного ракурса, эпистемологические предпосылки которого были изложены выше.

Литература

- Валицкий А. Философия права русского либерализма. М., 2012. 567 с.
Кистяковский Б. А. Кризис юриспруденции и дилетантизм в философии // Юридический вестник. Кн. V(I). М., 1914. С. 70–106.
Кистяковский Б. А. Реальность объективного права // Правоведение. 1996. № 4. С. 115–151.
Коттеррелл Р. Петражицкий и современные социально-правовые исследования // Правоведение. 2013. № 5. С. 9–25.
Ле Гофф Ж. Гурвич и социальное право // Правоведение. 2013. № 5. С. 97–111.
Мережко А. Психологическая школа права Л. И. Петражицкого: истоки, содержание, влияние. Одесса: Феникс, 2016. 524 с.

²⁰ Шюц А. Проблемы природы социальной реальности // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. С. 451–452.

²¹ Шюц А. Смысловое строение социального мира // Там же. С. 1002–1003.

²² Kelsen H. Allgemeine Staatslehre. S. 129 (цит. по: Шюц А. Смысловое строение социального мира. С. 1002).

Михайлов П. Е. О реальности права // Юридический вестник. Кн. V (I). М., 1914. С. 5–52.

Петражицкий Л. И. Введение в изучение права и нравственности // Петражицкий Л. И. Теория и политика права: избр. труды / науч. ред. Е. В. Тимошина. СПб., 2010. С. 380–560.

Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 1. СПб., 1909. 318 с.

Поляков А. В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: учебник. 2-е изд., испр. и доп. М., 2016. 832 с.

Поляков А. В. Петербургская школа философии права и задачи современного правоведения // Поляков А. В. Коммуникативное правопонимание: избр. труды. СПб., 2014. С. 222–233.

Спекторский Е. В. К спору о реальности права // Юридический вестник. Кн. V (I). М., 1914. С. 53–69.

Тимошина Е. В. Как возможна теория права? Эпистемологические основания теории права в интерпретации Л. И. Петражицкого. М.: Юрлитинформ, 2012. 296 с.

Тимошина Е. В. Л. И. Петражицкий vs. Е. Эрлих: два проекта социологии права // Правоведение. 2013. № 5. С. 77–96.

Тревиньо А. Х. Актуальность классиков для современной социологии права: американский контекст // Правоведение. 2013. № 5. С. 26–47.

Фиттипальди Э. Наука на службе у принципа законности: критическая защита концепции юридической догматики Льва Петражицкого // Правоведение. 2013. № 5. С. 48–76.

Фиттипальди Э. Противоречия как эмпирические несовместимости в психологии этических эмоций и в правовой (и не только) догматике: радикально-эмпирический подход // Правоведение. 2015. № 5. С. 24–39.

Фиттипальди Э. Психосоциология прав человека: две петражицкианские перспективы // Правоведение. 2014. № 5. С. 8–30.

Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. 1056 с.

Шюц А. Смысловое строение социального мира // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / пер. с нем. и англ. М., 2004. С. 687–1006.

Fittipaldi E. *Everyday Legal Ontology: A Psychological and Linguistic Investigation within the Framework of Leon Petrażycki's Theory of Law*. Milan, 2012. 302 p.

Motyka K. *Leon Petrażycki: Challenge to Legal Orthodoxy*. Lublin, 2007. 55 p.

Pattaro E. *The Law and the Right. A Reappraisal of the Reality That Ought to Be*. Dordrecht: Springer, 2007. 457 с.

Searle J. *The Construction of Social Reality*. New York; Free Press, 1995. 256 p.

Walicki A. *Legal Philosophies of Russian Liberalism*. London: University of Notre Dame Press, 1992. 477 с.

References

Fittipaldi E. *Everyday Legal Ontology: A Psychological and Linguistic Investigation within the Framework of Leon Petrażycki's Theory of Law*. Milan, 2012. 302 p.

Fittipaldi E. Nauka na sluzhbe u printsipa zakonnosti: kriticheskaia zashchita kontseptsii iuridicheskoi dogmatiki L'va Petrazhitskogo [Leon Petrażycki's Conception of Legal Dogmatics as a Science at the Service of the Principle of Legality: a Critical Defence]. *Pravovedenie*, 2013, no. 5, pp. 48–76. (in Russian)

Kistyakovskiy B. A. Krizis iurisprudentsii i diletantizm v filosofii [Crisis of Jurisprudence and Dilettantism in Philosophy]. *Iuridicheskii vestnik*. V. V (I). Moscow, 1914, pp. 70–106. (in Russian)

- Kistyakovskiy V. A. Real'nost' ob'ektivnogo prava [Reality of Objective Law]. *Pravovedenie*, 1996, no. 4, pp. 115–151. (in Russian)
- Kotterrell R. Petrazhitskii i sovremennyye sotsial'no-pravovyye issledovaniia [Petražycki and Contemporary Socio-Legal Studies]. *Pravovedenie*, 2013, no. 5, pp. 9–25. (in Russian)
- Le Goff J. Gurvich i sotsial'noe pravo [Gurvitch and Social Law]. *Pravovedenie*, 2013, no. 5, pp. 97–111. (in Russian)
- Merezhko A. *Psikhologicheskaya shkola prava L. I. Petrazhitskogo: istoki, sodержanie, vliianie* [Psychological Law School of L. Petražycki: Origins, Content, Impact]. Odessa, Phoenix, 2016. 524 p. (in Russian)
- Mikhailov P. E. O real'nosti prava [About Reality of Law]. *Iuridicheskii vestnik*. Bk. V (I). Moscow, 1914, pp. 5–52. (in Russian)
- Motyka K. Leon Petražycki: Challenge to Legal Orthodoxy. Lublin, 2007. 55 p.
- Pattaro E. The Law and the Right. A Reappraisal of the Reality That Ought to Be. Dordrecht, Springer, 2007. 457 p.
- Petražycki L. [Introduction to the Study of Law and Morality]. Petražycki L. *Teoriia i politika prava: izbr. trudy* [Theory and Policy of Law. Selected Works]. Science ed. E. V. Timoshina. St. Petersburg, 2010, pp. 380–560. (in Russian)
- Petražycki L. I. *Teoriia prava i gosudarstva v sviazi s teoriei nrvstvennosti* [Theory of Law and State in Connection with the Theory of Morality]. T. 1. St. Petersburg, 1909. 318 p. (in Russian)
- Polyakov A. V. [Petersburg School of Legal Philosophy and Purposes of Modern Jurisprudence]. A. V. Polyakov. *Kommunikativnoe pravoponimanie: izbr. trudy* [Communicative Understanding of Law: Selected Works]. St. Petersburg, 2014, pp. 222–233. (in Russian)
- Polyakov A. V. *Obshchaya teoriia prava: problemy interpretatsii v kontekste kommunikativnogo podkhoda: uchebnik* [General Theory of Law: Problems of Interpretation in the Context of the Communicative Approach: Textbook]. 2nd ed., rev. and enl. Moscow, 2016. 832 p. (in Russian)
- Schutz A. [Meaning Structure of the Social World]. Schutz A. *Izbrannoe: Mir, sviatiashchiisia smyslom* [Collected Papers: World Glowing of Meaning]. Transl. from German and English. Moscow, 2004, pp. 687–1006. (in Russian)
- Schutz A. *Izbrannoe: Mir, sviatiashchiisia smyslom* [Collected Papers: World Glowing of Meaning]. Transl. from German and English. Moscow, ROSSPEN, 2004. 1056 p. (in Russian)
- Searle J. *The Construction of Social Reality*. New York, Free Press, 1995, 256 p.
- Spektorskiy E. V. K sporu o real'nosti prava [To Dispute about the Reality of Law]. *Iuridicheskii vestnik*. Bk. V (I). Moscow, 1914, pp. 53–69. (in Russian)
- Timoshina E. V. *Kak vozmozhna teoriia prava? Epistemologicheskie osnovaniia teoriia prava v interpretatsii L. I. Petrazhitskogo* [How Possible the Theory of Law? The Epistemological Foundations of the Theory of Law in the Interpretation of L. I. Petražycki]. Moscow, Yurlitinform, 2012. 296p.
- Timoshina E. V. L. I. Petrazhitskii vs. E. Erlich: dva proekta sotsiologii prava [L. I. Petražycki vs. E. Ehrlich: Two Projects of Sociology of Law]. *Pravovedenie*, 2013, no. 5, pp. 77–96. (in Russian)
- Treviño A. J. Aktual'nost' klassikov dlia sovremennoi sotsiologii prava: amerikanskiy kontekst [The Continuing Relevance of the Classics for Contemporary Sociology of Law: the American Context]. *Pravovedenie*, 2013, no. 5, pp. 26–47. (in Russian)
- Walicki A. *Filosofiia prava russkogo liberalizma* [Legal Philosophies of Russian Liberalism]. Moscow, 2012. 567 p. (in Russian)
- Walicki A. *Legal Philosophies of Russian Liberalism*. London, University of Notre Dame Press, 1992. 477 p.